

DOI: 10.15372/HSS20210210
УДК94(47)«1917»

К.А. ТАРАСОВ

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОЛДАТ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ В РОССИИ ЛЕТОМ 1917 г.

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
РФ, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
РФ, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Статья посвящена поведению солдат старших возрастов российской армии в период революции 1917 г. Призыв ратников I разряда в возрасте до 43 лет и II разряда до 37 лет оказался одной из последних мобилизаций Первой мировой войны. В этом возрасте крестьяне обычно уже были главами больших патриархальных семей. Этот контингент признавался военным командованием одним из самых проблемных из-за постоянной заботы солдат о близких, которые лишались своего основного кормильца. После Февральской революции «сорокалетние» был распущены по деревням для того, чтобы посеять и собрать урожай, необходимый для фронта и тыла. Однако вскоре правительство потребовало их обратно. По всей стране развернулась дискуссия по поводу того, где эти «старрики» будут полезнее: на передовой или на домашнем фронте. Данная полемика имеет важное значение для понимания восприятия войны и распределения ее тягот крестьянским населением России.

Ключевые слова: ратники, ополчение, Первая мировая война, революция 1917 г., российская армия, Первый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

К.А. TARASOV

A PROTEST MOVEMENT OF RUSSIA'S OLDER SOLDIERS IN THE SUMMER OF 1917

St. Petersburg Institute of History RAS
7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110, Russian Federation
St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI"
5, Professora Popova str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation
National Research University "Higher School Of Economics"
16, Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg, 190008, Russian Federation

The article is devoted to the movement of Russia's older soldiers in 1917. Men, who had never served in military during a peacetime, were enlisted as warriors (ratniks) of the II category. This category of potential military personnel originally were not supposed to be drafted into the army. However, the crisis in human resources led to the fact that in 1915 government began to mobilize them and send to the front. Last conscriptions took place in the late 1916. Soldiers aged 40-43 (the age limit for conscription) joined the army. By this time, there had already been an acute shortage of workers in the countryside. The conscription only complicated the situation with agricultural work. After the Revolution of 1917, soldiers above the age of 40 were allowed returning home to sow and harvest. However, soon the government demanded them back. The preparation of an offensive at the front led to cancelling leaves of absence. The Government decision provoked dissatisfaction on the part of the older soldiers. Protests started throughout the country. Tens of thousands of men came to Petrograd demanding the order cancellation. The older soldiers believed that there were younger men in the country that were evading the front. They supposed they would be more useful in the rear, where they could help both their

Константин Андреевич Тарасов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: senderkeeper@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>

Konstantin A. Tarasov – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History SB RAS, Associate Professor, St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»; Senior Lecturer, HSE University.

family and the country as a whole. Nevertheless, neither the Minister of war, nor the Petrograd Soviets, nor the First Congress of Soviets agreed with the arguments of the 40-year-olds. The protest movement did not subside until the fall of 1917, when soldiers above the age of 40 were demobilized. The movement of 40-year-old soldiers showed that the peasantry quickly adopted new forms of expression of disagreement, which were peaceful in nature. Those people had an opportunity to desert, but tens of thousands of them strove to be heard by the authorities.

Key words: Militia, First World War, Revolution of 1917, Russian army, First Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies.

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война стала событием, когда город лицом к лицу встретился с деревней. Огромные массы крестьянства были призваны под ружье и отправлены в казармы в уездные и губернские центры. Тыловые запасные полки состояли и пополнялись в 1917 г. «из так называемых выздоравливающих и из «ратников ополчения 2-го разряда», так называемых «40-летних» крестьян, несших с собой специфическую идеологию и психологию, характерную для тыловой деревни в первую голову, но не для армии, как таковой» [1, с. 241]. О том, что ополченцы I и II разрядов, не проходившие в мирное время военной службы, «несли значительный груз традиционализма, характерный для России», писал и современный исследователь А.Б. Асташов [2, с. 36]. Пристальное внимание к поведению этой категории военнослужащих позволяет лучше понять настроения крестьянства в период Первой мировой войны. Таким образом возможно преодолеть существующее в исторической литературе своеобразное разделение исследований между фронтом и тылом. В статье анализируются настроения и особенности поведения, общие как для солдат, так и для гражданского населения в данный период.

ПРИЗЫВ В АРМИЮ «СОРОКАЛЕТНИХ»

В ополчение I разряда зачислялись лица, прошедшие службу в армии, до достижения 43 лет, а также лица, годные к несению воинской службы, но из-за тех или иных льгот не проходившие ее. Ратниками II разряда считали тех, кто никогда не носил военную форму благодаря льготам: физической «неспособности», семейному положению и разнообразным отсрочкам. Чины ополчения, в отличие от других военнослужащих, не брили бороду и волосы на голове. Вероятно, поэтому современники воспринимали 40–43-летних солдат как «стариков» [1, с. 250; 3, с. 27].

До войны ратников II разряда не планировалось привлекать к участию в боевых действиях. Однако необходимость в восполнении потерь потребовала мобилизации и этой категории уже с конца 1915 г. Последние указы о призыве ополченцев последовали 4 и 11 июля 1916 г. В армию должны были уйти ратники II разряда сроков призыва с 1901 по 1916 г. включительно и I разряда сроков призыва с 1893 по

1916 г. включительно. Начало призыва было назначено на 15 августа 1916 г.¹

Объявление призыва в самый разгар уборки хлеба, по воспоминаниям председателя Государственной думы М.В. Родзянко, вызвало «смущение среди населения, работавшего на полях». Он писал, что «такая мера отозвалась, с одной стороны, гибельно на успехах полевых работ, а с другой – подорвала доверие к власти, не считающейся с насущнейшими надобностями экономического быта страны» [4, с. 40]. Причиной недовольства стала острая нехватка рабочих рук в деревне к середине третьего года войны. Деревня уже потеряла основных работников 20–40 лет. Теперь же в армию отправляли даже тех, кого ранее признали негодными к несению службы, а также крестьян старших возрастов. В итоге призыв был перенесен на окончание полевых работ – на 25 октября 1916 г.

В этом последнем наборе были мобилизованы и представители более старших возрастов (ратников II разряда) – 38–41-летние. Военное командование располагало только двумя возрастными категориями. Призванные ратники I разряда, имевшие опыт строевой службы, уже достигали предельного возраста – 43 лет. В армии стал ощущаться острый дефицит людских ресурсов. Однако военный министр, генерал Д.С. Шуваев в своем письме от 8 декабря 1916 г. временно исполняющему должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко высказался против призыва ополченцев, приближавшихся к предельному возрасту. Аргументируя свою позицию, министр назвал «малую их физическую годность для военной службы и настоятельную необходимость в интересах государственной обороны оставления рабочих рук не только в работающих на оборону промышленных предприятиях, но и в переживающем острый кризис (вследствие недостатка рабочих рук) сельском хозяйстве» [5, с. 107].

Подтверждение мнения военного министра можно встретить и в других источниках. Так, два офицера, служивших в конце 1916 г. в запасном батальоне Преображенского полка и готовивших пополнения для одного из самых элитных полков гвардии, оста-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1916 г. Пг., 1916. Собр. 184, ст. 1547, с. 1783; Собр. 197, ст. 1663, с. 1954

вили свои воспоминания о мобилизованных в этот период ратниках. «В своем большинстве запасный батальон состоял из довольно пожилых ратников ополчения, обремененных большими семействами, о которых они только и думали, в чем не раз приходилось убеждаться, беседуя с ними. Текущие военные события их совершенно не интересовали или постольку, поскольку это касалось их лично», – писал В.Н. Тимченко-Рубан.² Его сослуживец А.В. Моллер вспоминал очень похожую картину: «Более думавшие о своем доме и хозяйстве, нежели о службе и долге, они не проявляли, в массе, ни малейшего желания отчетливо нести службу. <...> В сущности, они были люди хорошие, но их всегдашний плаксивый ответ: «я, Ваше Высокоблагородие, ратничек» – по манере произносить эти слова, говорил ясно, что все они люди, которым все равно, что с ними сделают, у которых одно желание – вернуться домой – и что, только в силу обстоятельств, они выполняют минимум возложенного на них, для того, чтобы не попасть под суд»³.

Что же касается нужд сельского хозяйства, то здесь военные и гражданские власти сталкивались с неразрешимым противоречием. Основным контингентом для пополнений армии было крестьянское население Российской империи. Чем больше крестьяне вливались в армию, тем меньше их оставалось в тылу для заготовки продовольствия, необходимого стране. Уже с весны 1916 г. ополченцы дружин старших возрастов наряду с выздоравливающими, беженцами, военнопленными и населением прифронтовых районов привлекались к сельскохозяйственным работам. В Государственной думе разрабатывался вопрос о формировании особых рабочих дружин из ратников [6, с. 150]. Однако призванные ополченцы, как отмечалось выше, должны были готовиться к отправке на фронт. К лету 1917 г. в тыловых частях находилось около 300 тыс. солдат 40–43 лет [7, с. 21].

В полной мере итоги данного решения для сельского хозяйства описаны в докладной записке управляющего Министерством земледелия А.А. Риттиха Совету министров 25 декабря 1916 г. В ней говорилось, что «оскудение рабочей силы в этой области народного труда достигло угрожающих размеров». По расчетам ведомства, число занятых на полевых работах за два с половиной года войны сократилось с 18 до 8 млн чел. Риттих сделал неутешительный вывод: «В будущем 1917 г. нужно ожидать дальнейшего сокращения посевов, так как необходимо учесть, что

посевная площадь 1916 г. была подготовлена и убрана до последних призывов ратников второго разряда и что предстоящий в январе призыв молодых извлечет из деревни массу рабочих рук, которые уже не примут участия в работе на яровых полях 1917 г.» [8, с. 55]. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., всего в армию было взято почти 50 % трудоспособного мужского населения страны, а в ряде губерний – более половины [8, с. 60].

ОТПУСКА ДЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТ

Решение данной проблемы началось уже после революции. Новый военный министр А.И. Гучков распорядился «солдат 40-летнего возраста и старше, находящихся в частях и дружинах внутренних округов, отпустить на период сельскохозяйственных работ по домам». Подразумевалось, что отпускники «используют свой труд возможно интенсивнейшим образом для оказания помощи России в благоприятном разрешении продовольственного кризиса», но по первому же зову вернуться в свои части.⁴ Кроме того, предусматривались отпуска всех солдат 40–43 лет из тыловых округов. По предположительным подсчетам военного министерства, сельское хозяйство должно было получить около 700 тыс. рабочих рук. Из действующих войск, находившихся в резерве прифронтовых округов, планировалось отпускать команды до 1/2–1/3 от переменного состава запасных воинских частей, а также из выздоравливающих военнослужащих [8, с. 64].

На практике в действующей армии устанавливались очереди для «сорокалетних», исходя из 10 % для фронтовых частей и до 15 % для частей ближайшего тыла [9, с. 381]. Таким образом, приказ коснулся прежде всего тыловых воинских частей, поскольку в них находилось большинство старших возрастов ратников I и II разрядов, мобилизованных во второй половине 1916 г. [10, с. 17–18].

Такое решение не показалось справедливым даже самим военнослужащим. Еще до революции вопрос об отпусках был очень болезненным для солдат действующей армии. Об отпусках мечтали, их требовали, ради них шли на подвиг и на подкуп [2, с. 183–185]. Позже представитель военного министерства передавал мнение, распространенное среди окопников: «Чем же мы хуже, – мы сравнительно в худших условиях находимся, находясь в частях на фронте, и нас заставляют меньше пользоваться отпусками сравнительно с теми, которые отпущены из частей тыла» [9, с. 382]. Ряд армейских комитетов принял решение о прекращении отпусков для «сорокалетних» [9, с. 383–384].

² Тимченко-Рубан В.Н. Революция. С. 5–6 // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Box Vladimir Nikolaevich Timchenko-Ruban Manuscripts, 1880–1956. Folder Stranitsy Proshlogo – Vospominaniia.

³ Моллер А.В. [Воспоминания] С. 6–7 // Личный архив Александра де Тизенхаузена.

⁴ Солдаты на сельскохозяйственных работах // Русский инвалид. 1917. 5 апр.

На заседании солдатской секции Петроградского совета 19 мая 1917 г. представитель запасного батальона Волынского полка заявил: «Увольнение сорокалетних из тыловых учреждений, еще не бывших в боях, нас глубоко возмущает, мы их считаем только сорокалетними. <...> Необходимо посылать в отпуск тех, кто сидит в окопах» [11, с. 120]. Ему возразил представитель 1-го пулеметного запасного полка, большевик А.И. Жилин, предложив продлить отпуск солдатам старше 40 лет до окончания полевых работ. Однако в итоге была принята резолюция, определявшая период отпусков из частей действующей армии и из внутренних округов до 15 июня, а не до первого требования, как в приказе А.И. Гучкова [11, с. 119]. В начале июня последовали приказы по военному ведомству нового министра А.Ф. Керенского с тем же содержанием. Не подчинившиеся приказу объявлялись дезертирами.⁵

В ответ на эти решения по всей стране прокатилась волна протестов отпущенных в отпуска солдат старших возрастов. Имели место как мирные формы борьбы (подача петиций в местные Советы и военному командованию, отказ ехать на фронт [7, с. 143, 145-147]), так и крупные волнения в гарнизонах. Нередко Советы становились на сторону «сорокалетних» и под их давлением распускали солдат на сельскохозяйственные работы [12, с. 155-156, 13, с. 142; 14, с. 127-129, 266; 15, с. 93; 16, с. 146; 17, с. 113].

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТЕСТА

Представители солдат старших возрастов, которые пытались добиться продолжения отпусков до окончания сбора урожая, стали прибывать в столицу. Для представления групповых интересов они объединились во «Всероссийский союз 40-летних солдат» и выбрали исполнительный комитет [9, с. 373].⁶ Несколько раз «сорокалетние» устраивали масштабные манифестации по городу. Одну из первых в конце мая наблюдал с балкона редакции «Новой жизни» Н.Н. Суханов: «Ее голова и хвост терялись вдали, манифестация растянулась чуть не на версту. В ней шли рядами пожилые люди, одни мужчины в сомнительно-солдатской форме. Шли они вяло, опустив головы, в необычном глубоком и мрачном молчании. Никаких знамен при них не было, но были убогие значки с надписями: «Деревня без рабочих рук!», «Наша земля не засеяна!», «Мы не можем добыть хлеба для рабочих!», «Наши семьи голодны в деревне!», «Пусть сражаются молодые!»...». Манифестанты подошли к Мариинскому дворцу, где перед ними выступил министр земледелия В.М. Чернов. По воспоминани-

ям Н.Н. Суханова, ««сорокалетние» разошлись неудовлетворенные, определенно затаив злобу» [18, с. 152-153].

5 июня 1917 г. после митинга на Дворцовой площади солдаты старших возрастов отправились к дому военного министра с требованием: «Пусть нас заменят молодые и белобилетчики; мы должны сидеть на фронте, а вы здесь организуете национальную гвардию». Военнослужащие таким образом указывали на несправедливость того, что в тылу остается большое количество уклонистов, добывших «белый билет» по состоянию здоровья, а также «национальная гвардия» из Петроградского гарнизона, частям которого Временное правительство пообещало не отправлять их на фронт. Перед солдатами выступил сотрудник военного ведомства В.Б. Станкевич.⁷ Его выступлением «сорокалетние» также остались не удовлетворены.

20 и 21 июня примерно 10 тыс. «сорокалетних» прошли по Невскому проспекту под лозунгами «Прошили засеять хлеба побольше, так дайте же убрать», «Хлеб нужен армии не меньше, чем снаряды», «Дайте убрать хлеб – без хлеба и без снарядов не может быть победы».⁸ Конечным пунктом обеих демонстраций было здание Первого кадетского корпуса, где в эти дни заседал I Всероссийский съезд Советов. Журналист «Новой жизни» оставил очень яркое описание одного из шествий: «Сгорбленные, отрепанные, с землистыми лицами они, казалось, несли с собой тяжелый запах полей, от которых их оторвали, и какая-то безнадежная тоска смотрела с их жалких плакатов, где каракулями начертана мольба “Дайте убрать хлеб”».⁹

Представителям «сорокалетних» удалось привлечь внимание съезда. Им удалось передать свою резолюцию, в которой говорилось: «Мы не дезертиры, а честные солдаты, и мы возвращаемся в армию, но прежде всего мы требуем, чтобы молодые учетники, работающие не на оборону, а на самооборону, и действительные дезертиры, как торгующие по всем городам и весям в разнос, так и грабящие страну за собственными прилавками, были немедленно отправлены в армию, а если затем армии потребуются и наши слабые силы – мы ими так же охотно пожертвуем, как жертвовали ими до сих пор, и явлюсь по первому зову».¹⁰ Даже если мотивы солдат были вполне личные, они доказывали свое право не идти на передовую, апеллируя к необходимости отправки на фронт уклонистов и «мародеров тыла».

⁵ Приказы по Военному ведомству. [Пг., 1917]. С. 329, 348.

⁶ Всероссийский Совет крестьянских депутатов // Земля и воля. 1917. 25 июня.

⁷ 40-летние // Речь. 1917. 6 июня.
⁸ Манифестации солдат 40 лет // Дело народа. 1917. 22 июня; 40-летние // Речь. 1917. 21 июня.

⁹ Манифестация 40-летних // Новая жизнь. 1917. 21 июня.

¹⁰ Резолюция солдат старше 40 лет // Солдатское слово. 1917. 23 июня.

Для обсуждения проблемы «сорокалетних» было выделено специальное время на последних заседаниях съезда Советов. И.В. Захватаев, представитель 12-й армии, в докладе от имени комиссии, рассмотревшей этот вопрос, заявил: «Нужно сказать, что всякий, кто был в армии в то время, знает, что ни один приказ не принес в то время армии столько вреда, как именно этот гучковский приказ» [9, с. 367]. Он говорил, что недовольными оказались не только сорокалетние солдаты, которых невозможно было отпустить, но и военнослужащие более младших возрастов. Особенно это касалось 30–35-летних, хозяйства которых пребывали в большем запустении, поскольку их дети в среднем были младше по возрасту [9, с. 367, 387]. Продолжение отпусков для «сорокалетних» докладчик считал вредным: «Это вызывает громадное негодование не у 40-летних только, а у всей армии, потому что у большинства из представителей армии также имеются поля, и если говорить об обработке полей, то тут могут быть только приняты меры в общегосударственном масштабе, меры организованные, не путем отпуска отдельных лиц на свои поля, а путем организации именно дружин» [9, с. 393].

Выступавшие на заседании представители «сорокалетних» указывали, что они будут более полезны фронту, если им дадут собрать посеянный урожай [9, с. 200, 369, 371, 386, 388, 389, 390]. Они считали, что работа на полях не является личным интересом отдельного крестьянина, а решает общегосударственное дело снабжения населения продовольствием [9, с. 370, 371, 389, 391]. По их мнению, следовало бы заменить отправленных в отпуски на время посевных работ солдатами из тыловых гарнизонов, которые «бездействуют», «переполняют казармы, лежат на боку, ничего не делают, а едят казенный хлеб», «гуляют по улицам, грызут подсолнухи» и т. п. [9, с. 369, 371, 390]. Также недостаток в армии, считали они, можно восполнить за счет «окопавшихся». Представитель «сорокалетних» на съезде говорил по этому поводу, сорвав аплодисменты: «У нас была устроена манифестация и, идя с этой мирной манифестацией по улицам Петрограда, мы увидели, какая здесь громада свободных, разряженных, упитанных людей, питающихся за счет трудовых масс». Он предлагал отправить на фронт тех, кто кричит, что «отечество в опасности» [9, с. 370].

Другой представитель «сорокалетних» говорил о том, что часть работающих на оборону на самом деле укрываются от фронта. «Затем еще есть масса белобилетников, – считал оратор, – громадные, свежие, молодые силы, они тоже здесь торчат, а мы, старики, часть из нас молодые, бодрые как будто на вид, а часть из нас хилые старцы, им нужна не деревня и работа на полях, а багадельня, и они все-таки идут, и их призывают спасать нашу молодую родину» [9, с. 388].

Таким образом, на I Всероссийском съезде Советов был поставлен вопрос о справедливом распределении не только службы на фронте, но и работы на оборону страны. Несмотря на очень эмоциональные речи солдат старших возрастов, съезд принял решение, что «приказ военного министра подлежит немедленному и точному выполнению» [9, с. 394].

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ СОЛДАТ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ

Из столицы солдаты старших возрастов не спешили разъезжаться. На Семеновском плацу вблизи Витебского вокзала скопилось до 20 тыс. чел., ожидавших отмены приказа военного министра. По мнению корреспондента официального органа военного министерства, «ни разу, однако, никаких беспорядков они не устраивали, и никакая большевистская пропаганда среди них успеха не имела»¹¹. В дни июльских событий в Петрограде, когда на улицы города вышли солдаты под лозунгами отставки «министров-капиталистов», «сорокалетние» держались обособленно и не примкнули к движению.

В Москве скопилось свыше 10 тыс. «сорокалетних», подлежащих отправке на фронт. По мнению командующего Московским военным округом генерала А.И. Верховского, «все меры увещевания» были исчерпаны, и «только силой оружия можно заставить их выполнить приказ». Однако он предлагал действовать мирными средствами: «под благовидным предлогом распустить их по своим воинским начальникам для полевых работ» [7, с. 98]. Генерал П.А. Половцов в Петрограде решил вопрос иначе. На волне подавления выступления 3–5 июля он смог применить силу и с помощью казачьего отряда начал отправлять эшелоны «сорокалетних» из города [19, с. 159]. Семеновский плац был очищен за два дня, 10–11 июля 1917 г.¹²

При новом военном министре, которым стал генерал А.И. Верховский, в Ставке верховного главнокомандующего был разработан проект повышения боеспособности армии. Одной из первоочередных мер выдвигалось увольнение старших сроков службы – 1895–1899 гг., т.е. 39–43-летних солдат. Таким образом, армия сократилась бы на 500–600 тыс. чел. [20, с. 65; 21, с. 29; 22, с. 97]. Срочность, с которой начал реализовываться этот проект, указывает на то, что вопрос крайне назрел. В октябре 1917 г. демобилизовали первые четыре возраста, а уже после Октябрьского переворота следующие по очереди 1899–1901 гг. призыва [23, с. 33]. Таким образом, накануне общей демобилизации армии «сорокалетние» все-таки добились своего.

¹¹ События в Петрограде // Армия и флот свободной России. 1917. 11 июля.

¹² События в Петрограде // Армия и флот свободной России. 1917. 11 июля; Разгрузка Петрограда // Там же. 12 июля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует обратить внимание на содержание данного протестного движения. «Сорокалетние» неоднократно указывали на вопрос о справедливом распределении военных усилий, как на фронте, так и в тылу. Солдаты старше 40 лет не только воспринимались «стариками», но и чувствовали себя не способными в должной мере нести обязанности службы. Вместе с тем они считали, что в тылу находилось большое количество еще довольно молодых людей, так или иначе уклонявшихся от фронта. В годы Первой мировой войны отмечаются негативные высказывания солдат в адрес тех, кто наживался на войне, был причиной дороговизны [2, с. 82]. «Сорокалетние» считали, что их работа на оборону страны будет не менее, а, может быть, даже более полезной, чем у разного рода «учетников».

Еще одну важную сторону этой проблемы следует рассматривать в контексте движения солдаток, требовавших увеличить паек и пособие в отсутствие кормильца. Солдатские жены в условиях растущей дороговизны и продовольственного кризиса выступали в защиту своих семей, требуя от государства что-то взамен того, что оно послало их мужей и сыновей на войну. Такое представление групповых интересов было новым для крестьянок Российской империи. Оно делало женщин активной социальной силой [24; 25; 26; 27; 28]. Важный аспект этого своеобразного «общественного договора» касался мобилизованных мужчин. Проблема заключалась в том, что государство, посылавшее уже не только сыновей, но и отцов на войну, не смогло в должной степени позаботиться о мирном населении. До войны мужчины чаще, чем женщины, защищали экономические интересы семьи. Теперь же, оторванные от своих привычных занятий, они тяжело переживали новости о неурядицах в тыловой жизни. Как показало изучение военной корреспонденции, выполненное А.Б. Астаховым, солдаты-крестьяне постоянно интересовались оставленным хозяйством, давали советы своим близким, касавшиеся продажи скота, расширения посевов и т. п. [2, с. 179]. Такого рода пресловутые отпуска обычно означали не только отдых, но прежде всего решение семейных забот [2, с. 181]. Свое пребывание в армии крестьяне рассматривали как временное отсутствие. Мобилизованные в конце 1916 г. солдаты 40–43 лет уже являлись главами больших семейств, уважаемыми людьми, «стариками». Их устоявшаяся идентичность отцов и мужей не могла исчезнуть за короткий период военного обучения. Именно поэтому задача обороны страны для них яснее виделась в защите своих семейств от дороговизны и голода. «Сорокалетние» считали большой несправедливо-

стью то, что они, как малопригодный к военным лишениям контингент, отправляются на войну вместо того, чтобы принести большую пользу своим семьям и государству в целом на хорошо знакомых им полевых работах.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, касается форм протестного движения солдат старше 40 лет. Его изучение позволило увидеть в данной категории российского крестьянства не пассивную и конформистскую массу, а сплоченную группу, способную на протест, защиту своих интересов. В 1917 г. ратники быстро усвоили новые формы протеста в виде демонстраций с плакатами, выступлений с высоких трибун, составления резолюций. Это выражение своего несогласия с политикой властей совсем не похоже на проявление «бессмысленного и беспощадного бунта». Более того, «сорокалетние» создали специальную организацию для представления своих групповых интересов, держась обособленно и не смешиваясь с общим солдатским движением. Их лозунги в определенной степени отражали патриотические настроения. Имея возможность дезертировать, десятки тысяч из них не только не пытались спрятаться, а, напротив, действовали публично, стремились, чтобы их заметили. Они прибыли в столицу, чтобы отстаивать свое, как они считали, законное право. Таким образом, протестное движение солдат старших возрастов, их мотивация не сводят это движение только к одному из видов антивоенных выступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крыленко Н.В. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927. №2/3. С. 240–251.
2. Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года. Военный опыт и современность. М., 2014. 736 с.
3. Стетун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. 429 с.
4. Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 5–80.
5. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. 211 с.
6. Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 142–152.
7. Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. 343 с.
8. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.; Л., 1967. Ч. 3. 540 с.
9. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов М.; Л., 1931. Т. 2. 489 с.
10. Россия в мировой войне 1914–1918. М., 1925. 103 с.
11. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2002. Т. 3. 398 с.
12. Анисков А.С. Калужский гарнизон в 1914–1917 гг. дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2016. 248 с.
13. Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916 – февраль 1918. Новосибирск, 1978. 285 с.

14. Кузьмина Т.Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября: По материалам Московского военного округа. М., 1978. 310 с.

15. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. 191 с.

16. Цейтлин Р.С. В борьбе за солдатские массы. (Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции 1917 г.). Казань, 1987. 184 с.

17. Якутов Н.М. Большевики во главе революционных солдатских масс. 1917 – январь 1918. Киев, 1967. 247 с.

18. Суханов Н. Записки о революции. Берлин; Петербург; Москва, 1922. Кн. 4. 522 с.

19. Половцов П.А. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 г.). М., 1999. 273 с.

20. Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника, 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 62–68.

21. Накануне октябрьского переворота. Вопрос о войне и мире. Отчеты о секретных заседаниях комиссий Временного Совета Российской Республики // Былое. 1918. Кн. 6, № 12. С. 3–41.

22. О попытках Временного правительства России реорганизовать армию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 88–112.

23. Базанов С.Н. Демобилизация Русской армии // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 27–37.

24. Badcock S. Women, Protest, and Revolution: Soldiers' Wives in Russia During 1917 // International Review of Social History. 2004. Vol. 49, № 1. P. 47–70.

25. Baker M. Rampaging Soldatki, Cowering Police, Bazaar Riots and Moral Economy: The Social Impact of the Great War in Kharkiv Province // Canadian-American Slavic Studies. 2001. Vol. 35, № 2–3. P. 137–155.

26. Engel B. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // The Journal of Modern History. 1997. Vol. 69, № 4. P. 696–721.

27. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционному потрясению. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб.; Кишинев, 2001. С. 429–493.

28. Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. №1–2. С. 57–71.

REFERENCES

1. Krylenko N.V. The February Revolution and the Old Army. *Proletarskaya revolyutsiya*, 1927, no. 2/3, pp. 240–251. (In Russ.)

2. Astashov A.B. Russian front in 1914 - early 1917. Military experience and modernity. Moscow, 2014, 736 p. (In Russ.)

3. Stepan F. The Past and the Unfulfilled. N.Y., 1956, vol. 2, 429 p. (In Russ.)

4. Rodzianko M.V. State Duma and the February 1917 Revolution. *Arkhiv russkoy revolyutsii*, Berlin, 1922, vol. 6, pp. 5–80. (In Russ.)

5. Golovin N.N. Military efforts of Russia in the world war. Paris, 1939, vol. 1, 211 p. (In Russ.)

6. Oskin M.V. State militia during the First World War. *Voprosy istorii*, 2013, no. 6, pp. 142–152. (In Russ.)

7. Andreev A.M. Soldiers' masses of the garrisons of the Russian army in the October Revolution. Moscow, 1975, 343 p. (In Russ.)

8. The economic situation in Russia on the eve of the Great October Socialist Revolution. Documents and materials. Moscow; Leningrad, 1967, Pt. 3, 540 p. (In Russ.)

9. The First All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldier's Deputies. Moscow, Leningrad, 1931, vol. 2, 489 p. (In Russ.)

10. Russia in World War 1914–1918. Moscow, 1925, 103 p. (In Russ.)

11. Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917. Moscow, 2002, vol. 3, 398 p. (In Russ.)

12. Aniskov A.S. Kaluga garrison in 1914–1917 diss. ... Ph.D. Kaluga, 2016, 248 p. (In Russ.)

13. Batalov A.N. Bolsheviks' struggle for the army in Siberia, 1916 – February 1918. Novosibirsk, 1978, 285 p. (In Russ.)

14. Kuzmina T.F. The revolutionary movement of the soldier masses of the Center of Russia on the eve of October: based on the materials of the Moscow military district. Moscow, 1978, 310 p. (In Russ.)

15. Protasov L.G. Soldiers of the garrisons of Central Russia in the struggle for Soviet power. Voronezh, 1978, 191 p. (In Russ.)

16. Tseitlin R.S. In the struggle for the masses of soldiers. (Bolsheviks and their political opponents in the rear military districts of Eastern Russia during the peaceful period of the development of the 1917 revolution). Kazan, 1987, 184 p. (In Russ.)

17. Yakupov N.M. Bolsheviks are at the head of the revolutionary soldier masses. 1917 – January 1918. Kiev, 1967, 247 p. (In Russ.)

18. Sukhanov N. Notes on the revolution. Berlin, Petersburg, Moscow, 1922, Bk. 4. 522 p. (In Russ.)

19. Polovtsov P.A. Days of the eclipse (notes of the Commander-in-Chief of the Petrograd Military District, General P. A. Polovtsov in 1917). Moscow, 1999, 273 p. (In Russ.)

20. Verkhovskiy A.I. Russia on Calvary (from a travel diary, 1914–1918). *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1993, no. 8, pp. 62–68. (In Russ.)

21. On the eve of the October coup. The issue of war and peace. Reports on secret meetings of the Provisional Council of the Russian Republic commissions. *Byloe*, 1918, bk. 6, no. 12, pp. 3–41. (In Russ.)

22. On the attempts of the Provisional Government of Russia to reorganize the army. *Istoricheskiy arkhiv*, 1961, no. 4, pp. 88–112. (In Russ.)

23. Bazanov S.N. Demobilization of the Russian Army. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1998, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)

24. Badcock S. Women, protest, and revolution: soldiers' wives in Russia during 1917. *International Review of Social History*, 2004, vol. 49, no. 1, pp. 47–70.

25. Baker M. Rampaging Soldatki, cowering police, bazaar riots and moral economy: the social impact of the great war in Kharkiv Province. *Canadian-American Slavic Studies*, 2001, vol. 35, no. 2/3, pp. 137–155.

26. Engel B. Not by bread alone: subsistence riots in Russia during World War I. *Journal of Modern History*, 1997, vol. 69, no. 4, pp. 696–721.

27. Bulgakova L.A. The privileged poor: helping soldiers' families during the First World War. *Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam. Iz istorii Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konf. pamyati V. S. Dyakina*. Saint Petersburg, Kishinev, 2001, pp. 429–493. (In Russ.)

28. Shcherbinin P.P. How the Russian soldier wife lived during the First World War (1914–1918). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2004, no. 1/2, pp. 57–71. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.12.2020

Дата рецензирования 25.01.2021

Статья принята к публикации 03.04.2021